

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**А. Я. Вышинский и советская доктрина
международного права.**

Глава 4.

22 июня 1941 года

Опубликовано:

Законодательство.

2025. № 1. С. 87–94. № 2. С. 87–94. № 3. С. 86–94

1

С середины июня 1941 года из самых разных источников в Москву сплошным потоком шли сообщения о готовности Германии совершить в ближайшие дни военное нападение на Советский Союз.

16 июня в 20 часов 35 минут в Разведывательное Управление Генерального Штаба Красной Армии поступила шифртелеграмма из Берлина, в которой сообщалось:

«1. В кругах штаба верховного командования упорно циркулирует версия о выступлении против нас 22–25 июня.

2. Бывший посол в Варшаве Мольтке и прессатташе Балм получили назначение в отдел пропаганды при штабе Восточного фронта. Пропагандные материалы для русских областей заготовлены.

3. Финляндия и Румыния готовы выступить одновременно с Германией.

4. Причиной войны против СССР источник¹ называет — если Германия не выступит против СССР, то возможен советско-американский военный союз против Германии»².

17 июня в 8 часов 30 минут советское посольство в Лондоне направило в Наркомат иностранных дел СССР шифртелеграмму с информацией о концентрации германских войск на советских границах, которую накануне Майскому передал по поручению главы Foreign Office Энтони Идена его

¹ Это слово в тексте телеграммы вписано поверх зачеркнутого «Ариец». — В.Т.

² Расшифрованная телеграмма из Берлина начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии. 16 июня 1941 г. / Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦА МО РФ). Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 735.

заместитель Александр Кадоган. «Общее количество германских войск, в настоящий момент сконцентрированных на советских границах, по сведениям британского генштаба, составляет 80 дивизий в Польше, 30 — в Румынии и 5 — в Финляндии и Северной Норвегии, всего 115 дивизий, не считая мобилизованной румынской армии»³, — писал Майский. Далее советский посол приводил в телеграмме детальные сообщения о передвижении войск Германии и ее союзников к советской границе, полученные Генеральным штабом Великобритании в течение апреля, мая и июня 1941 года.

Об усиливавшейся в последнее время концентрации германских войск у границ СССР Энтони Иден говорил И.М. Майскому еще 13 июня, но советский посол отнесся к этому сообщению недоверчиво и попросил представить точные данные. 16 июня Иван Михайлович был приглашен в Foreign Office, где ему с разрешения премьер-министра представили довольно подробную сводку сведений. Они были собраны британской разведкой в том числе с помощью немецкой шифровальной машины «Энигма», полученной вместе с радиограммами и кодами в результате захвата военно-морскими силами Великобритании 9 мая 1941 года немецкой подводной лодки. Майский был потрясен тем, что узнал, и поспешил сообщить в Москву зашифрованной телеграммой факты о сосредоточении немецких войск у советских границ. Причем в этот раз он писал без скептицизма, которым ранее обыкновенно сопровождал полученные в Лондоне сведения о подготовке Германии к военному нападению на СССР.

18 июня 1941 года Сталину, Молотову и Берия поступила докладная записка от наркома государственной безопасности В.Н. Меркулова, в которой говорилось: «По имеющимся в НКГБ СССР данным, за последние дни среди сотрудников германского посольства в Москве наблюдаются большая нервозность и беспокойство в связи с тем, что, по общему убеждению этих сотрудников, взаимоотношения между Германией и СССР настолько обострились, что в ближайшие дни должна начаться война между ними.

³ Телеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 16 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Том 23: В 2-х кн. Кн. 2 (ч. 2). 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М., 1998. С. 739.

Наблюдается массовый отъезд в Германию сотрудников посольства, их жен и детей с вещами»⁴.

Посол Германии Вернер фон дер Шуленбург не мог не знать о том, что его подчиненные готовятся к отъезду из Москвы, но в беседе с А.Я. Вышинским, которая состоялась 14 июня 1941 года и продолжалась около 45 минут, он спокойно обсуждал проблемы, связанные с переселением немцев из Эстонии, Латвии и Литвы, и обращался к первому заместителю наркома иностранных дел с просьбами, выполнение которых предполагало сохранение нормальных дипломатических отношений между Германией и СССР. Однако поведение высокопоставленного германского дипломата позволило Вышинскому сделать вывод о действительном отношении руководства Германии к Советскому Союзу.

Накануне вечером Шуленбург получил заявление ТАСС, в котором опровергались слухи о том, что Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР и что Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней. 14 июня, в день встречи Шуленбурга с Вышинским, текст данного заявления был опубликован в центральных советских газетах. Германский посол не мог не прокомментировать такое заявление ТАСС, тем более в разговоре с одним из руководителей советского внешнеполитического ведомства, если информация о сосредоточении германских войск у границ СССР были ложными. Вышинский пригласил Шуленбурга на беседу скорее всего именно для того, чтобы узнать мнение руководства Германии об этом заявлении. И Андрей Януарьевич узнал его. «Важно отметить, что по поводу сообщения ТАСС от 13.VI Ш[уленбург] ни словом не обмолвился»⁵, — сообщил первый заместитель

⁴ Из записки наркома госбезопасности СССР И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия о массовом отъезде из СССР сотрудников германского посольства и членов их семей и об уничтожении архивов посольства. 18 июня 1941 г. // 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1998. С. 384.

⁵ Из дневника А. Я. Вышинского. Прием германского посла графа Шуленбурга 14 июня 1941 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 678. Л. 126. При публикации этого документа во 2-й книге сборника «1941 год» дата «13.VI» была воспроизведена ошибочная дата «14.04» (см.: 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 364), которая, возможно, была указана в его машинописной копии, хранящейся в Архиве внешней политики РФ (Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 22. Л. 66-71).

наркома иностранных дел СССР в заключение отчета о своей беседе с послом Германии.

В последнюю неделю перед нападением Германии на Советский Союз появились первые признаки положительных перемен в британо-советских отношениях. 18 июня 1941 года в советское посольство в Лондоне к чете Майских прибыли на завтрак Стаффорд Криппс и его супруга. Между послами состоялся весьма долгий разговор о состоянии советско-британских отношений. Криппс жаловался Майскому на прохладное отношение к нему советских должностных лиц, показывающее, по его мнению, нежелание советского правительства улучшать отношения Советского государства с Великобританией. Майский же, когда речь заходила о вероятности военного нападения Германии на СССР, казался значительно менее уверенным, чем прежде, в том, что этой войны можно избежать.

В зашифрованной телеграмме, направленной двумя частями 20 июня в Москву в Наркомат иностранных дел⁶, Майский передал довольно подробно высказывания Криппса, полагая, что они отражают мнение, возобладавшее в британском правительстве. «Общая его установка, как выяснилось из разговора, сводится к следующему: улучшение отношений между СССР и Англией, которых Криппс по-прежнему желает всей душой, в настоящее время, к сожалению, невозможно, так как-де СССР не стремится к такому улучшению из опасения ухудшения своих отношений с Германией. Криппс может понять такую позицию: после разгрома Франции и относительной слабости (пока) британской армии СССР в своей войне с Германией пришлось бы принять на себя главный удар на суше. Естественно, что СССР не улыбается такая перспектива»⁷.

Майский привел в телеграмме и причины, которые заставили Криппса утверждать, что нападение Германии на СССР в ближайшее время неизбежно. «Гитлер знает, что нынешнее лето — последний для него срок для сведения счетов с СССР и ликвидации для него опасности с востока. В будущем году будет уже поздно. Криппс считает, что Красная Армия — серьезная армия,

⁶ Первая часть рассматриваемой шифртелеграммы была отправлена из Лондона в Москву 20 июня 1941 г. в 7 часов 35 минут. Вторая часть — 20 июня в 16 часов 20 минут.

⁷ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР о беседе с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 18 июня 1941 г. [Часть 1]// Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 230. Нумерация листов в этом документе идет от большей цифры к меньшей.

хорошо вооруженная и механизированная, неплохо обученная. Но у нее есть еще ряд недостатков, которые, в частности, выявились во время финской войны, и которые, несмотря на проведенную с той поры реорганизацию, еще не вполне ликвидированы. В 1942 году Красная Армия будет гораздо сильнее, чем сейчас. Германская же армия находится в данный момент в своем зените. Она проделала 6 компаний, в которых училась и постепенно изживала свои недостатки (Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Запад, Балканы). Кроме того, постоянные победы подняли ее дух»⁸.

Майский счел необходимым отметить в телеграмме, что «возражал и отчасти даже высмеивал Криппса, но это не произвело на него большого впечатления. Он, между прочим, заявил, что имеет информацию 100% достоверности, которая подтверждает, что будто бы именно таковы взгляды и намерение Гитлера в настоящий момент. Криппс говорил, что, по мнению большинства членов британского правительства, Гитлер в ближайшие 2–3 недели в той или иной форме поставит СССР перед выбором: крупные уступки или война. Лично Криппс думает, что Гитлер даже не будет предоставлять нам такого выбора, а просто нападет на нас, ибо ему сейчас важнее всего разбить “военную машину” СССР (если это, конечно, ему удастся)»⁹.

Упоминание Криппсом правительства своей страны было не случайным: то, что он после этого сказал Майскому, могло иметь для Советского Союза серьезное значение лишь при условии, если сказанное выражало не личное мнение британского посла, а позицию правительства Великобритании. Криппс признался, что сомневается в целесообразности своего возвращения в Москву, так как «он считает свою задачу — улучшение советско-английских отношений — безнадежной»¹⁰, и после этого заявил, причем не только от себя, но и от имени своего правительства, что «если бы в ближайшие недели вспыхнула война между СССР и Германией», то он, конечно, непременно вернулся бы в Москву, «ибо тогда вся ситуация изменилась бы. Если же, наоборот, случится то, чего ожидают здесь большинство членов британского правительства, а именно, что СССР под давлением Германии пойдет ей на далеко идущие уступки», то

⁸ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР о беседе с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 18 июня 1941 г. [Часть 2]// Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 236. Нумерация листов в этом документе идет от большей цифры к меньшей.

⁹ Там же. Л. 235.

¹⁰ Там же. Л. 232.

британскому послу «нечего будет делать в Москве. Он тогда лучше останется в Англии».¹¹

Приведя в телеграмме это высказывание Криппса, советский посол решил, что нельзя оставить его без оценки. «Несомненно, — заметил он в конце телеграммы, — во всех заявлениях Криппса о своих ближайших планах имеется немало фанаберии и запроса, но, судя по всему, на скорое возвращение Криппса в Москву, видимо, рассчитывать не приходится»¹².

В действительности Криппс в разговоре с советским послом всего лишь выразил опасение британского правительства в том, что Советский Союз договорится с Германией и избежит военного нападения с ее стороны. Великобританию такой поворот событий поставил бы на грань катастрофы.

21 июня 1941 года, когда стало ясно, что переговоры между Германией и СССР так и не начались, Криппс опять навестил Майского. Он пришел в половине пятого дня не только для обмена мнениями, но и с предложением начать подготовку к более тесному сотрудничеству правительств двух стран в целях борьбы с германской агрессией. В дневнике Майский записал, что британский посол и в этот раз опять говорил о неизбежности нападения Германии на СССР и очень скором. «Признаться, — заявил Криппс, — я ждал, что атака произойдет в этот “уик-энд” — завтра, 22[-го], но, по-видимому, Гитлер отложил ее до следующего воскресенья, 29[-го]». Майский спросил его: «Почему именно до “воскресенья”»? «Потому что Гитлер, — ответил Криппс, — вообще любит нападать на свои жертвы по воскресеньям. Все-таки это дает ему маленькое преимущество: в воскресенье подготовленность врага находится на несколько более низком уровне, чем обычно»¹³.

Вспоминая в мемуарах об этой встрече, Майский написал: «Когда Криппс ушел, я сразу же отправил в Народный комиссариат иностранных дел шифровку-молнию о его сообщении»¹⁴. В более подробной шифртелеграмме об этом разговоре, переданной в Москву в 11 часов 22 июня¹⁵, Майский, естественно, умолчал о том, что британский посол первой датой нападения

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 1: 4 сентября 1939—21 июня 1941 года. М., 2009. С. 412.

¹⁴ *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 519.

¹⁵ Цифры «11.00 22.VI. 1941 г.» стоят в верхней части первого листа данной шифртелеграммы. В конце ее последнего, 4-го, листа стоит дата «21.VI. 41 г. Майский» и пометка «отп. 22.VI 16–40».

Германии на СССР назвал 22 июня и воспроизвел его сообщение в сокращенном виде: «Крипс полагает, что выступление Германии против СССР произойдет, вероятно, около 29 июня»¹⁶. Но зато самые важные слова представителя внешнеполитического ведомства Великобритании Майский передал полностью. «Ко мне сегодня заезжал Крипс и заявил следующее: так как он продолжает быть твердо убежденным, что вооруженный конфликт между СССР и Германией неизбежен в ближайшие дни, повторяю — в ближайшие дни..., то он считает своим долгом принять все необходимые меры для того, чтобы в случае такого конфликта тесный контакт между Англией и СССР был установлен с первого же момента и чтобы брит[анское] пра[вительство] могло без всякого промедления оказать СССР ту помощь, о которой Иден говорил мне 13 июня»¹⁷.

В дневниковой записи, датированной 13 июня 1941 года, Майский указал, что глава внешнеполитического ведомства Великобритании пригласил его в этот день к себе и, по поручению премьер-министра, сообщил, что «в случае нападения] Г[ермании] брит[анское] пра[вительство] готово было бы: помочь своей авиацией на Б[лижнем] В[остоке] (можно подбр[осить] из А[фрики]), отправить в М[оскву] военную миссию для передачи опыта войны, всемерно разв[ивать] экономическое] сотр[удничество] (через Перс[идский] залив, Владив[осток])»¹⁸. Эти меры Идену посоветовал предложить советскому правительству именно Крипс.

21 июня 1941 года британский посол сказал Майскому, что «уже договорился с начальником генштаба Диллом о том, что в случае нападения Германии на СССР из Лондона в Москву в самом срочном порядке будет отправлена военная миссия для передачи нам опыта войны с Германией»¹⁹. Кроме того, он сообщил советскому послу, что получил согласие соответствующих инстанций на столь же срочную посылку в СССР британских экономических экспертов «в целях налаживания хозяйственной координации между обеими странами. Люди, которых в данных условиях послала бы Англия, были бы людьми “первого ранга”, могущими решать большинство вопросов на

¹⁶ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 21 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 255.

¹⁷ Там же. Л. 257.

¹⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. С. 407–408.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 257.

месте»²⁰. По словам Майского, Криппс просил все это «передать Советскому правительству немедленно и заверить его, что брит[анское] пра[вительство] не допустит никакого промедления в оказании СССР (в случае нападения на него Германии) той помощи, на которую оно будет способно»²¹.

Сообщая в Москву об этих предложениях британского правительства, Майский заметил, что развил Криппсу ряд соображений, по которым по-прежнему считает «германскую атаку на СССР очень маловероятной»²², а затем задал ему вопрос: «Каково было бы поведение британского правительства в случае, если бы его пророчество все-таки оправдалось?». Криппс ответил: «В этом случае британское правительство не только не ослабило бы своих военных усилий, но наоборот их интенсифицировало бы и оказало бы максимальную поддержку СССР. На этот счет имеется полное единство в кабинете»²³.

После этого Майский спросил Криппса: «А какова бы была в том же случае реакция США?». Вряд ли советский посол мог рассчитывать услышать на него откровенный ответ британского дипломата. Но Криппс ответил с неожиданной прямоотой. Заметив, что ясного представления об этом у него нет, Криппс сказал, что, впрочем, не исключает потери значительной доли интереса к войне со стороны весьма влиятельных кругов в США в случае возникновения германо-советской войны, так как, «во-первых, они решили бы, что теперь Англия не так нуждается в их помощи и, во-вторых, **они были бы довольны, что Гитлер повернул против “большевиков”**»²⁴ (выделено мной. — В.Т.).

* * *

Утром 21 июня 1941 года генеральный секретарь исполнительного комитета Коминтерна Г.М. Димитров, встревоженный слухами о близком нападении Германии на СССР, позвонил В.М. Молотову. В своем дневнике Георгий Михайлович записал, что попросил Молотова переговорить с Иосифом

²⁰ Там же. Л. 257–256.

²¹ Там же. Л. 256.

²² И.М. Майский был скорее всего вполне искренним в своем неверии в германское нападение. До этого разговора с Криппсом он записал в свой дневник: «Откровенно говоря, мне не очень верится, чтобы Гитлер напал на нас. Воевать с Россией всегда было тяжело. Нашествия всегда кончались печально для их инициаторов. Достаточно вспомнить поляков (смутное время), Карла XII, Наполеона, Кайзера в 1918 г.» (*Майский И.М. Дневник дипломата. С. 412*).

²³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 256.

²⁴ Там же. Л. 256–255.

Виссарионовичем о необходимых указаниях для компартий. По его словам, Молотов ответил: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас. Я переговорю с Иосифом Виссарионовичем. Если будет что особое, позвоню»²⁵. Самым важным в этом ответе было признание «Ведется большая игра». Что означали эти слова? Какая политическая игра велась Сталиным накануне и в самом начале вооруженного вторжения Германии в пределы нашей страны?

Внимательное рассмотрение событий, происходивших на совещаниях советского руководства в Кремле вечером 21-го и утром 22-го июня 1941 года и отраженных в той или иной мере в документах и в воспоминаниях их участников — высших должностных лиц, позволяет обнаружить следы этой игры.

Военное нападение Германии на СССР заставляло советское руководство в первую очередь принимать меры по обороне страны, и их выработка составляла главную задачу совещаний, проводившихся в это время в кабинете Сталина. Но вместе с тем начало этой войны порождало и острейшие международно-правовые проблемы.

Вторжение германского вермахта в СССР разрывало заключенный 23 августа 1939 года германо-советский договор о ненападении. Но Германия не желала в глазах мирового сообщества и особенно в глазах своих союзников выглядеть нарушителем данного соглашения и, таким образом, получить репутацию ненадежного субъекта межгосударственных отношений.

В то же время Советскому государству важно было в мировом общественном мнении, особенно в глазах населения и правительств стран, которые могли стать мощными союзниками СССР в войне с Германией, прежде всего США и Великобритании, предстать не нарушителем межгосударственных договоров, не агрессором, против которого наносится превентивный удар, а исключительно жертвой военной агрессии со стороны Германии. 21 июня 1941 года советскому руководству необходимо было в первую очередь убедиться в

²⁵ *Георги Димитров*. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 235. В английском издании дневников Г.М. Димитрова ответ В.М. Молотова выражен в следующих словах: «The situation is unclear. There is a major game under way. Not everything depends on us. I will have a talk with J. V. [Stalin]. If anything particular comes of it, I will give a call!» (The Diary of Georgi Dimitrov, 1933-1949. New Haven & London, 2003. P. 166). На русском языке издана только часть дневников Димитрова, охватывающая время с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. См.: Дневник Георгия Димитрова (1941-1945). М., 2020.

том, что утром следующего дня произойдет вторжение германских вооруженных сил на территорию СССР.

Этим вечером в кабинете Сталина шло совещание, в котором участвовали заместитель председателя СНК СССР, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, пришедший раньше всех – в 18.27, и вошедшие в кабинет в 19.05 нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, секретарь ЦК ВКП (б), курировавший военную промышленность, Г.М. Маленков, секретарь Ленинградского горкома А.А. Кузнецов, нарком обороны СССР С.К. Тимошенко, начальник мобилизационно-планового отдела Комитета обороны при СНК СССР И.А. Сафонов. В 20 часов 50 минут к ним присоединились военачальники Г.К. Жуков и С.М. Буденный. Состав участников свидетельствует, что сначала обсуждались вопросы, связанные с реорганизацией военной промышленности, затем вопрос о боевой готовности войск, расположенных у западных границ Советского Союза.

Около половины десятого Молотов на время покинул совещание, направившись в свой кабинет, чтобы принять приглашенного им посла Германии. Вернер фон дер Шуленбург прибыл в 21 час 30 минут. Нарком иностранных дел СССР передал ему копию заявления по поводу нарушения германскими самолетами нашей границы, которое советский посол в Германии В.Г. Деканозов должен был тем же вечером вручить министру иностранных дел И. Риббентропу или его заместителю Э. Вайцзеккеру. Воспользовавшись случаем, Вячеслав Михайлович попросил Шуленбурга объяснить, почему в последнее время из Москвы выехали нескольких сотрудников германского посольства с женами, почему усиленно распространяются слухи о близкой войне между СССР и Германией, почему в Германии не было опубликовано миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня.

Шуленбург на упреки советского наркома сказал, что «все эти вопросы имеют основание, но он на них не в состоянии ответить, так как Берлин его совершенно не информирует»²⁶.

После разговора с германским послом Молотов вернулся на совещание. Журнал записи лиц, принятых Сталиным, показывает, что совещание в его

²⁶ Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 21 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Том 23. Кн. 2 (ч. 2). С. 751–752.

кабинете продолжалось до 23 часов 00 минут²⁷. Сталин в такое время обычно не уходил отдыхать, а продолжал работать до поздней ночи или раннего утра. Так было и в ночь с 21 на 22 июня 1941 года...

* * *

Утром 22 июня 1941 года Вышинский был вызван в Кремль. Он вошел в кабинет Сталина в 7 часов 30 минут вместе с Маленковым. Там уже находились В.М. Молотов, Г.К. Жуков, С.К. Тимошенко, Л.П. Берия и Л.З. Мехлис²⁸. В 8 часов пришли Ворошилов и Каганович, за пять минут до этого — А.И. Микоян.

Все уже знали, что несколько часов назад германская авиация начала бомбить наши города, а германские вооруженные силы открыли огонь по нашим войскам и вторглись на территорию СССР. В 2 ночи по берлинскому времени, когда в Москве было 3 часа, посол СССР в Германии В.Г. Деканозов был приглашен в министерство иностранных дел Германского рейха на встречу И. Риббентропом. Согласно официальной записи этой беседы, сделанной сотрудником министерства иностранных дел Германии, она началась по местному времени в 4 часа утра 22 июня 1941 г. Имперский министр иностранных дел начал разговор с советским послом с утверждения о том, что враждебное отношение правительства СССР к Германии и серьезная угроза, которую Германия усматривает в концентрации русских [войск] на восточной границе Германии, «заставили рейх принять военные контрмеры»²⁹. После этого рейхсминистр сказал, что подробное изложение мотивов, объясняющих германскую позицию, Деканозов найдет в меморандуме, который ему вручается. От себя Риббентроп добавил, что «он очень сожалеет о таком развитии германо-советских отношений», поскольку сам он «очень старался способствовать установлению лучших отношений между двумя странами. К несчастью, однако, обнаружилось, что идеологические противоречия между

²⁷ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924 — 1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 337.

²⁸ В журнале записей лиц, принятых 22 июня 1941 г. И.В. Сталиным, указано, что они вошли в кабинет в 5 часов 45 минут (На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным. С. 337). Однако Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал, что уже «в 4 часа 30 минут все вызванные члены Политбюро были в сборе» и что сначала Сталин пригласил в свой кабинет его и наркома обороны С.К. Тимошенко (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 248).

²⁹ Conversation Between the Foreign Minister and Soviet Russian Ambassador Dekanozov in the Foreign Ministry at 4: 00 a. m. on June 22 // Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Series D (1937-1945). Vol. 12. The war Years. February 1 - June 22, 1941. Washington, 1962. P. 1074.

двумя странами стали сильнее здравого смысла, почему он, имперский министр иностранных дел, и оставил свои надежды»³⁰.

В 5 часов 30 минут на прием к Молотову в его кабинет прибыл в сопровождении своего советника Хильгера Вернер фон дер Шуленберг. Германский посол сказал, что «он с самым глубоким сожалением должен заявить, что еще вчера вечером, будучи на приеме у наркома т. Молотова, он ничего не знал. Сегодня ночью, говорит он, было получено несколько телеграмм из Берлина. Германское правительство поручило ему передать советскому правительству следующую ноту: “Ввиду нетерпимой доле угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры”»³¹.

Ни в ноте министерства иностранных дел Германии, ни в заявлениях Риббентропа и Шуленбурга не говорилось о том, что Германия объявила СССР войну, но действия германских вооруженных сил на территории Советского государства не оставляли сомнений в том, что началась настоящая война. Шуленбург счел необходимым сказать наркому иностранных дел СССР, что «не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства»³². Молотов попросил уточнить, что означает эта нота? Шуленбург ответил, что, по его мнению, «это начало войны»³³.

В 10 часов 40 минут Вышинский на время покинул кабинет Сталину. В 12 часов к нему на прием прибыл временный поверенный Великобритании в делах СССР Г.Л. Баггaley. Он сказал, что попросил об этой встрече, чтобы получить сведения о ходе событий. Сообщив, что в дипломатических кругах в Москве обсуждается вопрос о том, что советское правительство предполагает выехать из Москвы. Баггaley сказал, что лично он не верит этим слухам, но если действительно возникнет вопрос об эвакуации советского правительства из Москвы, то ему хочется иметь уверенность в том, что английское посольство

³⁰ Ibidem.

³¹ Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 22 июня 1941 г., в 5 час. 30 мин. утра // Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Том 23. Кн. 2 (ч. 2). С. 753.

³² Там же.

³³ Там же.

будет своевременно информировано для того, чтобы сделать необходимые приготовления для отъезда. Вышинский ответил, что впервые слышит «о слухах, распространяемых в дипкорпусе об якобы имеющемся намерении советского правительства эвакуироваться из Москвы. Советское правительство не собирается уезжать из Москвы»³⁴. Далее британский представитель сказал, что «в настоящих условиях было бы крайне желательно в интересах СССР и Англии установить между Москвой и Лондоном радио-телеграфную связь». Вышинский обещал выяснить технические возможности установления радио-телеграфной связи и поставить его в известность.

В конце беседы Баггалеи заметил, что «из сообщений английского радио он не мог точно установить, находятся ли Финляндия и Румыния в состоянии войны с СССР или Германия напала на СССР одна»³⁵. Вышинский ответил, что нападение на советские границы было и с территории Румынии и Финляндии.

Баггалеи собрался уже уходить, как по радио началось выступление Молотова, и он попросил разрешения его прослушать. Его переводчик переводил ему то, что говорил нарком иностранных дел СССР.

В 13 часов 05 минут Вышинский вернулся в кабинет Сталина... Беседа с британским представителем, заменившим в Москве посла Стаффорда Криппса, Вышинскому явно не удалась. Баггалеи еще не получил никаких инструкций от своего правительства и пришел просто для того, чтобы узнать хотя бы что-то о новой обстановке, которая возникла в результате военного нападения Германии на Советский Союз. Он явно не верил в способность Советского государства успешно противостоять военной агрессии со стороны державы, покорившей почти все страны Западной, Северной и Южной Европы, и хотел выяснить, сколько еще продержится Москва. А Москва давно уже готовилась к обороне.

16 июня 1941 года Молотов направил послу СССР в Лондоне предписание: «Срочно соберите более подробную информацию по организации местной противовоздушной обороны Лондона, а если возможно, то и других городов Англии. В информации желательно осветить следующие вопросы:

1. Организация борьбы с зажигательными бомбами в жилых домах и на предприятиях.

³⁴ Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с временным поверенным в делах Великобритании в СССР Г.Л. Баггалеем. 22 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Том 23. Кн. 2 (ч. 2). С. 756.

³⁵ Там же. С. 757.

2 Конструкции газо и бомбоубежищ в жилых кварталах и на промышленных предприятиях.

3. Применяются ли и с каким эффектом бомбоубежища простейшего типа (щели, траншеи).

4. Техника светомаскировки городского транспорта (трамвай, автотранспорт, водный транспорт).

5. Каким образом проводится светомаскировка железнодорожных узлов, вокзалов, депо, портов.

6. Как и какими техническими средствами организована уборка бомб замедленного действия.

7. Как организована и какими техническими средствами оснащена противопожарная охрана города. 8. Какой порядок устанавливается и как организована эвакуация населения в военное время из крупных промышленных центров»³⁶.

22 июня 1941 года Вторая мировая война стала для нашего народа Великой Отечественной войной.

2

Составленный В.М. Молотовым первоначальный текст сообщения советским людям о начале войны хранится в настоящее время в Архиве внешней политики Российской Федерации. Из этого документа следует, что оценивая нападение фашистской Германии на СССР, заместитель председателя советского правительства предполагал ограничиться констатацией того, что вторжение произошло «без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны», что «это неслыханное нападение на нашу страну, несмотря на наличие договора о ненападении между СССР и Германией, является беспрецедентным в истории цивилизованных народов»³⁷.

Однако в окончательном варианте данного сообщения, который был прочитан Молотовым по радио в полдень 22 июня 1941 года³⁸ и на следующий

³⁶ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 16 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2487. Л. 26.

³⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 7а. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 1.

³⁸ Выступление Молотова с этим сообщением началась в 12 часов 15 минут и продолжалось 4 минуты и 7 секунд.

день опубликован в газете «Правда», характеристика германской военной агрессии дополнилась рядом весьма важных штрихов.

Прежде всего «неслыханное нападение на нашу страну» было названо «беспримерным в истории цивилизованных народов **вероломством**»³⁹ (выделено мной. — В.Т.). Молотов подчеркнул, что Советское правительство «со всей добросовестностью» выполняло все условия договора о ненападении. «За все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора»⁴⁰.

Далее Молотов, следуя духу большевистской идеологии, указал на классовый характер войны. «Эта война, — сказал он, — навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских предателей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы»⁴¹. В предварительном наброске, подготовленном Молотовым, эта тема не затрагивалась.

Но самым главным в выступлении заместителя председателя СНК СССР по радио 22 июня 1941 года стало заявление о том, что германские агрессоры, вторгнувшись на территорию Советского Союза, столкнутся здесь с войной народной, отечественной. Было подчеркнуто, что «не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет, и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную **отечественную войну за родину, за честь, за свободу**»⁴² (выделено мной. — В.Т.).

Примечательно, что, приступая к составлению текста этой речи, Молотов использовал в качестве обращения слово «товарищи», но затем зачеркнул его и написал: «Граждане и гражданки Советского Союза!»⁴³ — это обращение более

³⁹ Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Наркома Иностранных дел тов. В.М. Молотова. 22 июня 1941 г. // Правда. 1941. № 172 (8580). 23 июня. С. 1.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ АВП РФ. Ф. 7а. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 1.

соответствовало народному характеру войны, которую предстояло вести советским людям.

Тот факт, что составление первоначального варианта обращения к советскому народу в связи с нападением фашистской Германии было поручено Молотову, является явным свидетельством того, что Сталин и не планировал выступать с этой речью. Тексты своих выступлений он всегда составлял сам.

Отказавшись лично выступить по радио, Сталин принял активное участие в подготовке окончательного текста речи заместителя председателя СНК СССР. Согласно черновой редакции, Молотов предполагал закончить свое выступление так: «Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наша доблестная армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар по врагу, разгромят и уничтожат»⁴⁴. Но последние три слова были зачеркнуты, вместо них появилось то, что и услышала страна: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Эти три лозунговые фразы соответствовали литературному стилю Сталина, а не Молотова. И вполне вероятно, что Вячеслав Михайлович внес их в текст своей речи под диктовку Иосифа Виссарионовича.

Рассказывая спустя три десятилетия в беседе с Феликсом Чуевым о событиях 22 июня 1941 года, Молотов сообщил некоторые детали, подкрепляющие это предположение. Чуев, решив отдать должное бывшему советскому руководителю, сказал: «Ваши слова: “Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами”, — стали одним из главных лозунгов войны»⁴⁵. Однако Вячеслав Михайлович не стал подтверждать, что именно он автор этих строк. «Это официальная речь, — пояснил он. — Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова, там были и поправки, и добавки, само собой»⁴⁶. Отвечая же на вопрос, что именно было добавлено в текст его выступления Сталиным, Молотов сообщил: «Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает»⁴⁷.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что отсутствовавшее в первоначальном варианте в речи Молотова сравнение нападения гитлеровских

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 7а. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 4.

⁴⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 51.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

войск на Советский Союз с нападением наполеоновской армии на Россию и связанное с этим определение войны с фашистской Германией как новой **отечественной войны** нашего народа было вставлено в ее текст именно Сталиным. Иосиф Виссарионович проявлял немалый интерес к событиям Отечественной войны 1812 года. Он внимательно читал и высоко оценил книгу историка Е.В. Тарле «Наполеон», вышедшую первым изданием в 1936 году в серии «Жизнь замечательных людей» и переиздававшуюся в 1939 и 1941 годах.

Очевидно, что речь, в которой агрессору объявлялась отечественная война, уместнее было бы произносить в первый день нападения на страну ее лидеру, главе ее правительства, а не его заместителю. В одном из разговоров с Феликсом Чуевым Молотов постарался объяснить, почему речь о нападении Германии на СССР и начале отечественной войны против германских завоевателей произнес именно он. По его словам, Сталин не хотел выступать первым потому, что для этого нужна была более ясная картина войны. «Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах»⁴⁸.

И действительно, к утру 3 июля 1941 года, когда Сталин выступил по радио, стало уже предельно ясно, что военное нападение фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз было предпринято не с целью добиться от советского правительства каких-либо уступок или захватить какую-либо богатую ресурсами территорию, а для того, чтобы уничтожить нашу страну. И содержание речи Сталина показывает, что он в полной мере понимал это.

Его соответствовавшее христианской традиции обращение «братья и сестры», добавленное к словам «товарищи, граждане», уже само по себе свидетельствовало о том, что обрушившаяся на Советский Союз с 22 июня 1941 года вооруженная агрессия Запада осознавалась им как величайшая опасность для нашего народа.

Сравнение первоначального (рукописного) варианта речи Сталина⁴⁹ с текстом его выступления по радио ранним утром 3 июля 1941 года

⁴⁸ Там же. С. 50–51.

⁴⁹ Данный текст, записанный карандашом под диктовку Сталина его помощником А.Н. Поскребышевым и правленный рукой Сталина (также карандашом), хранится в Российском

обнаруживает, что самая главная характеристика напавшего на нашу страну врага и его целей была сформулирована незадолго до начала выступления. «Враг жесток и неумолим, — говорил Сталин. — Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма»⁵⁰. К этому заявлению, содержащемуся в первоначальном тексте, во время выступления Сталин добавил очень важные слова: он назвал еще одной целью врага «разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, их превращение в рабов немецких князей и баронов». И сделал вывод: **«Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»**⁵¹.

В первоначальной редакции текста выступления этого вывода нет. После описания целей агрессора говорилось: «Нужно, чтобы наши люди поняли это и перестроили всю свою работу на военный лад, применительно к нуждам войны»⁵². В речи по радио эта фраза прозвучала в несколько измененном виде. Сталин сказал: «Нужно, чтобы **советские** люди поняли это и перестроили всю свою работу на **новый**, военный лад, **не знающий пощады врагу**»⁵³ (выделено мной. — В.Т.).

После этих слов логичным было определить характер войны, которой нашему народу надлежало ответить столь жестокому и опасному агрессору, и Сталин именно это сделал в своей речи. Необходимо, сказал он, «чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на **нашу Отечественную освободительную войну** против фашистских поработителей»⁵⁴ (выделено мной. — В.Т.).

Назвав далее меры противодействия врагу, которые требовалось принять для победы над ним, Сталин снова обратился к характеристике ответной войны

государственном архиве социально-политической истории (далее: РГАСПИ). (РГАСПИ. Ф. 558. Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Оп. 11. Д. 1094. Л. 2-11.

⁵⁰ Там же. Л. 7.

⁵¹ Правда. 1941. № 182 (8590). 3 июля. С.1.

⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1094. Л. 7.

⁵³ Правда. 1941. № 182 (8590). 3 июля. С.1.

⁵⁴ Там же. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1094. Л. 7.

советского народа против агрессора. «Войну с фашистской Германией, — заявил он, — нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем **великой войной всего советского народа** против немецко-фашистских войск. Целью этой **всенародной Отечественной войны** против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»⁵⁵ (выделено мной. — В.Т.).

Завершил Сталин свою речь призывами: «Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!».

Сталин не использовал в своем выступлении 3 июля 1941 года словосочетание «Великая отечественная война». Но, назвав войну против фашистских поработителей «великой войной всего советского народа» и «всенародной Отечественной войной», он фактически предопределил официальное название этой войны.

Данный термин был в ходу в русском обществе еще со времен Отечественной войны 1812 года. В 1844 году публицист В.Г. Белинский использовал его в своем ежегодном обзоре состояния русской литературы⁵⁶. Неудивительно, что словосочетание «Великая отечественная война» стало употребляться в СССР без какого-либо официального решения с первого же дня вооруженного вторжения войск фашистской Германии и ее сателлитов на территорию Советского государства. 23 июня 1941 года в газете «Правда» наряду с текстом речи В.М. Молотова была напечатана статья Е. Ярославского под названием «Великая отечественная война советского народа»⁵⁷.

* * *

Вывод Сталина о том, что «войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной», получил полное свое подтверждение лишь после победы СССР в Великой отечественной войне, когда стали известны документы министерств и ведомств нацистского рейха, касавшиеся германской оккупационной политики на территориях Советского Союза. В приговоре Нюрнбергского Международного военного трибунала, вынесенном 1 октября

⁵⁵ Там же. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1094. Л. 10.

⁵⁶ «И если г. Загоскин, сам участвовавший в великой отечественной войне...» (Белинский В.Г. Русская литература в 1843 году // Отечественные записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. 1844. Том 32. С. 34 (раздел V. Критика).

⁵⁷ Правда. 1941. № 172 (8580). 23 июня. С. 4.

1946 года, помимо прочего, было отмечено: «В некоторых случаях военные преступления преднамеренно планировались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение»⁵⁸.

Развернутая в первой половине 1941 года широкомасштабная подготовка к военному походу на восток, к захвату и освоению территории нашей страны, разработка способов массового физического истребления проживавшего на ней населения и, в частности, технологии уничтожения русского народа как общности — все это предполагало участие большого количества должностных лиц германского рейха, ученых и разного рода специалистов. В бездну этой политики был втянут почти весь правящий слой фашистской Германии и значительная часть лиц, имевших статус ученых и культурных деятелей.

Эта совершавшаяся под эгидой государства преступная деятельность отражалась в массиве разнообразных документов: программ, планов, нормативных актов, приказов, инструкций, рекомендаций, предложений и др. Бесчеловечный характер такой государственной политики даже не скрывался. Более того, он как будто специально демонстрировался и навязывался. По свидетельству Германа Раушнинга, Адольф Гитлер открыто и с полным убеждением в том, что изрекает высокие истины, говорил своим приближенным: «Мы обязаны истреблять народы так же точно, как мы обязаны систематически заботиться о немецком населении. Следует разработать *технику истребления народов*. Вы спросите: что значит “истреблять народы”? Подразумеваю ли я под этим истребление целых наций? Конечно. Что-то в этом роде, все к тому идет. Природа жестока и нам тоже позволено быть жестокими... *Существует много методик, чтобы последовательным и относительно безболезненным путем, без большого кровопролития, довести нежелательный национальный элемент до вымирания*»⁵⁹ (курсив мой. — В. Т.).

⁵⁸ Приговор Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Том 8. М., 1999. С. 613.

⁵⁹ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 111. Данную тираду Гитлера в пересказе Г. Раушнинга цитировал в своей вступительной речи на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко. Он привел несколько иной вариант перевода. По его словам, Гитлер говорил Раушнингу: «Мы должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача» (Вступительная речь главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко. Произнесена 8

Сталин наверняка получал донесения обо всей этой *беспрецедентной по своему преступному характеру государственной деятельности*. Прозвучавшая в его речи 3 июля 1941 года оценка военного нападения фашистской Германии на СССР как опасности, угрожающей не только существованию Советского государства, но и жизни его граждан, показывает, что он знал истинную подоплеку германского *Drang nach Osten*. Поэтому он счел необходимым разъяснить: цели врага таковы, что дело идет «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР».

Готовя военное нападение на Советский Союз, руководство фашистской Германии изначально рассматривало эту операцию в качестве системы не только военных, но также экономических и политических мер, причем таких, которые якобы имели судьбоносное значение для немецкой нации.

9 января 1941 года Адольф Гитлер, выступая на совещании в Ставке вермахта по плану «Барбаросса», заявил: «Гигантские пространства России таят в себе неисчислимы богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами»⁶⁰.

30 марта 1941 года, проводя совещание военачальников, Гитлер произнес речь, продолжавшуюся два с половиной часа. Он рассказал в ней о том, как германское руководство планирует вести войну против СССР. Согласно записям в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Франца Гальдера, фюрер сообщил присутствовавшим генералам: «Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство»⁶¹. «Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания»⁶².

Ничего подобного никогда не говорилось Гитлером и другими руководителями фашистской Германии по отношению к другим европейским странам, в пределы которых они планировали вторгнуться. **Жестокость германского нацизма предназначалась только для России и русских.**

февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 2-х томах. Издание второе, исправл. и дополн. / Под редакцией К. П. Горшенина. Том 1. М., 1954. С. 271)

⁶⁰ Из стенограммы совещания в Ставке вермахта 9 января 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 2. С. 83.

⁶¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Том 2 (1.7 1940 — 21.6 1941). М., 1969. С. 429.

⁶² Там же. С. 431.

Требую от своих военачальников проявления жестокости в войне с Советским Союзом, Гитлер тем самым превращал подразделения германской армии в настоящие бандитские формирования. 2 мая 1941 года командующий 4-й танковой группой генерал Эрих Гёпнер, исполняя указанное требование Гитлера, издал соответствующее предписание для вверенных ему войск, в котором говорилось: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму. Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию и поэтому должна вестись с неслыханной жестокостью»⁶³.

13 мая 1941 года глава верховного главнокомандования вермахта (der Chief des Oberkommandos der Wehrmacht) генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписал «Распоряжение об осуществлении военной юрисдикции в районе „Барбаросса“ (Erlass über die Ausübung der Kriegsgerichtsbarkeit im Gebiet „Barbarossa“), которым предписывались жестокие бесчеловечные меры по отношению к гражданскому населению территорий, оккупированных вермахтом⁶⁴. Этим нормативным актом вводилась в оборот категория «враждебные гражданские лица», при этом никаких критериев для определения таких лиц установлено не было. Распоряжение предусматривало: что «возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок»⁶⁵. Судебному начальнику разрешалось предписывать «судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям поддержания

⁶³ Из приложения 2 к приказу командующего 4-й танковой группой в связи с предстоящими боевыми действиями на Востоке. 2 мая 1941 г. // Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы. Материалы / Под редакцией и с предисловием П.А. Жилина. М., 1987. С. 62.

⁶⁴ Данное распоряжение, подписанное, как показывает его оригинальный текст, 13 мая 1941 г. именно Кейтелем, в материалах Международного военного трибунала, проходившего в Нюрнберге с 1945–1946 гг., было названо «Распоряжением Гитлера о военной подсудности в районе “Барбаросса”». См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 5. М., 1991. С. 288–290.

⁶⁵ Распоряжение Гитлера о военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск. 13 мая 1941 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 5. С. 289.

воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск»⁶⁶. При осуждении предлагалось «чрезвычайно критически относиться к достоверности показаний враждебных гражданских лиц»⁶⁷.

Применение по отношению к мирному населению оккупированных вермахтом территорий жестоких бесчеловечных мер, запрещенных действовавшими в то время международно-правовыми конвенциями, считали необходимостью не только военачальники германского рейха, но и гражданские должностные лица.

Так, начальник управления внешней политики национал-социалистской рабочей партии Альфред Розенберг⁶⁸ в датированной 7 апреля 1941 года записке «Кадровые предложения для рейхскомиссариатов на Востоке и Центрального политического управления в Берлине» утверждал: «К этому следует еще добавить, что возможно, возникнет необходимость военной оккупации не только Петербурга, но и Москвы. Данная оккупация будет носить совершенно иной характер, чем в провинциях Балтийского моря, на Украине и на Кавказе. Она будет направлена на подавление любого русского и большевистского сопротивления и потребует личностей совершенно безрассудной настойчивости как со стороны военного представительства, так и со стороны возможного политического руководства. Вытекающие из этого задачи пока нет необходимости перечислять»⁶⁹.

2 мая 1941 года в Берлине состоялось совещание статс-секретарей министерств Германии, которые должны были участвовать в осуществлении на практике оккупационной политики германского рейха на территории

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ 17 июля 1941 г. Розенберг был назначен Гитлером на должность рейхсминистра оккупированных восточных областей (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete).

⁶⁹ «Hinzu kommt noch, daß sich eventuell die Notwendigkeit ergibt, nicht nur Petersburg, sondern auch Moskau militärisch zu besetzen. Diese Besetzung wird wohl einen ganzlich anderen Charakter tragen als in den Ostseeprovinzen, in der Ukraine und im Kaukasus. Sie wird auf die Niederhaltung jeglichen russischen und bolschewistischen Widerstandes ausgerichtet sein und eine durchaus rücksichtslose Personlichkeit bedürfen, sowohl seitens der militärischen Vertretung als auch der eventuellen politischen Führung. Die Aufgaben, die sich hieraus ergeben, brauchen jetzt nicht aufgezeichnet zu werden» (Anhang zur Denkschrift Nr. 2. Personelle Vorschläge für die Reichskommissariate im Osten und die politische Zentralstelle in Berlin. Berlin, den 7. April 1941 // Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, 14th November 1945—1 October 1946. [In 42 volumes]. Vol. 26. Nuremberg, 1947. P. 557). Данная записка отсутствует в издании документов Нюрнбергского Международного военного трибунала, вышедшем в 1987–1999 гг. в 8 томах на русском языке.

Советского Союза. По итогам этого совещания была составлена записка, в которой одобрялся план умерщвления посредством голода миллионов людей, проживавших на территориях, которые предполагалось захватить военным путем. В записке говорилось, в частности: «1.) Война может быть продолжена лишь в том случае, если на третий год войны весь вермахт будет кормиться исключительно за счет России. 2.) Несомненно, десятки миллионов людей умрут с голоду, если мы вывезем из страны то, что нам необходимо»⁷⁰. Истребление миллионов людей предлагалось для того, чтобы освободить захваченные территории Советского Союза от местного населения, обеспечив тем самым свободное заселение их немцами.

В приговоре Нюрнбергского трибунала приведенный фрагмент записки, составленной по результатам совещания 2 мая 1941 года, цитировался как одно из многочисленных доказательств, подтверждающих, что «Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу для того, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на восток в соответствии с ее стремлениями»⁷¹.

1 июня 1941 года была издана секретная инструкция статс-секретаря министерства продовольствия Германии Герберта Бакке о том, как должны вести себя по отношению к русским на территориях, оккупированных Германией, германские должностные лица. В инструкции давался следующий совет: «Ввиду того, что присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом для снятия их с работы. Тот, кто на этом основании

⁷⁰ «1.) Der Krieg ist nur weiter zu führen, wenn die gesamte Wehrmacht im 3. Kriegsjahr aus Rußland ernahrt wird» (Aktennotiz über Ergebnis der heutigen Besprechung mit den Staatssekretären über Barbarossa. 2.) Hierbei werden zweifellos zig Millionen Menschen verhungern, wenn von uns das für uns Notwendige aus dem Lande herausgeholt wird» // Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, 14h November 1945 – 1 October 1946. [In 42 volumes]. Vol. 31. Nuremberg, 1948. P. 84).

⁷¹ Приговор Международного военного трибунала. С. 601.

будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи»⁷².

20 июня, то есть всего за два дня до нападения фашистской Германии на СССР, Альфред Розенберг выступил на закрытом совещании перед генералами, назначенными для осуществления оккупационной политики на территориях Советского Союза. Идеолог германского нацизма заявил о необходимости изгнания русского населения с территорий, на которых оно проживает. «Обеспечение продовольствием германского народа в течение этих лет несомненно будет главнейшим германским требованием на Востоке, — подчеркивал он, — и южные области, и Северный Кавказ должны будут стать житницей для Германии. Мы не считаем себя обязанными кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, потребуются очень масштабная эвакуация, и впереди русских ждут очень тяжелые годы»⁷³. За этими словами скрывалось явное намерение осуществить массовое убийство миллионов русских людей.

В 1958 году в третьей тетради мюнхенского журнала «Ежегодник по современной истории» в разделе «Документация (Dokumentation)» под общим названием «Генеральный план Ост (Der Generalplan Ost)» была напечатана серия документов, разрабатывавшихся в течение 1940–1941 годов⁷⁴. Среди них особое значение имеет записка «Замечания и предложения рейхсфюрера СС к Генеральному плану Ост», составленная от имени Гиммлера 27 апреля 1942 года экспертом министерства оккупированных восточных территорий немецким

⁷² Инструкция уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке о поведении должностных лиц на территории, намеченной к оккупации. 1 июня 1941 г. // Преступные цели — преступные средства. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1985. С. 32.

⁷³ «Die deutsche Volksernahrung steht in diesen Jahren zweifellos an der Spitze der deutschen Forderungen im Osten, und hier werden die Sudgebiete und Nordkaukasien einen Ausgleich für die deutsche Volksernahrung zu schaffen haben. Wir sehen durchaus nicht die Verpflichtung ein, aus diesen Oberschussgebieten das russische Volk mit zu ernahren. Wir wissen, daß das eine harte Notwendigkeit ist, die ausserhalb jeden Gefühls steht. Zweifellos wird eine sehr umfangreiche Evakuierung notwendig sein und dem Russentum werden sicher sehr schwere Jahre bevorstehen» ((Rede des Reichsleiters A. Rosenberg. vor den engsten Beteiligten am Ostproblem am 20. Juni 1941 // Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. 26. P. 622).

⁷⁴ Der Generalplan Ost // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte Jahrgang. 1958. Heft 3. S. 281–326.

правоведом Эрхардом Ветцелем (Erhard Wetzel)⁷⁵, а в ней наиболее значимой является раздел «К вопросу о будущем обращении с русскими (Zur Frage der zukünftigen Behandlung der Russen)».

В самом начале его доктор Ветцель заметил, что этот вопрос «совсем не упоминается в генеральном плане “Ост”, но имеет большое значение для решения вообще всей восточной проблемы». Заключается он в следующем: «Каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа»⁷⁶. В попытке найти ответ на этот вопрос Ветцель выразил *главный мотив политики Германии по отношению к России и русским, причем Германии не только фашистской, а любой, а вместе с ней и всей вообще Западной Европы, как в прошлые, так и в нынешние времена*. Ветцель признал особую сложность решения проблемы русских, дав следующее объяснение этой сложности: «Проблема заключается не только в разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы **разгромить русских как народ**, разобщить их. Только в том случае, если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической, точки зрения, и, если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить **опасность, которую представляет для нас русский народ**»⁷⁷ (выделено мной. — В.Т.).

Выраженные в приведенных словах немецкого правоведа настроения германского правящего слоя означали, что война Советского Союза против Германии неизбежно принимала характер общенародной отечественной войны.

⁷⁵ Stellungnahme und Gedanken zum Generalplan Ost des Reichsführers SS. Berlin, den 27. 4. 1942 // Ibid. S. 297–324.

⁷⁶ «Wie und ob sich überhaupt auf die Dauer gesehen eine deutsche Herrschaft angesichts der gewaltigen biologischen Kraft des russischen Volkes aufrechterhalten läßt» (Ibid. S. 312).

⁷⁷ «Es handelt sich nicht allein um die Zerschlagung des Moskowitertums, eine Zielsetzung, die durchgeführt, weil sie nur historisch gedacht ist, nie die restlose Lösung des Problems bedeuten würde. Vielmehr handelt es sich um die Zerschlagung russischen Volkstums selbst, um seine Aufspaltung. Nur wenn die Probleme hier konsequent vom biologischen, insbesondere rassebiologischen Standpunkt aus gesehen werden und wenn demgemäß die deutsche Politik im Ostraum eingerichtet wird, besteht die Möglichkeit, der uns vom russischen Volke her drohenden Gefahr zu begegnen» (Ibid. S. 313).

3

Выступая по радио в полдень 22 июня 1941 года с заявлением о начале войны, Молотов семь раз произнес слово «нападение», и во всех случаях он подразумевал или прямо называл «нападающей стороной», т.е. агрессором, лишь Германию. «Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей», — сказал заместитель председателя СНК СССР. Подобным же образом и Сталин в своей речи 3 июля 1941 года говорил о вероломном нападении на нашу Родину только фашистской Германии.

Между тем план ведения войны против СССР под кодовым названием «Барбаросса», изложенный в Директиве № 21 верховного командования германского вермахта, предусматривал в разделе «Предполагаемые союзники и их задачи» прямое участие в нападении на нашу страну также войск *Румынии* и *Финляндии* и содействие в этом *Норвегии* и *Швеции*⁷⁸. Ход войны уже в первые дни показал, что все предначертания данного плана начали последовательно выполняться.

24 июня 1941 года Советское информбюро сообщило: «Финляндия предоставила свою территорию в распоряжение германских войск и германской авиации. Вот уже 10 дней происходит сосредоточение германских войск и германской авиации в районах, прилегающих к границам СССР. 23 июня 6 германских самолетов, вылетевших с финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолеты были отогнаны... Румыния предоставила свою территорию полностью в распоряжение германских войск. С румынской территории совершаются не только налёты немецкой авиации на

⁷⁸ «Задача Румынии, — констатировалось в плане “Барбаросса”, — будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, а в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на Севере» (Директива № 21 Верховного командования вооруженными силами Германии (Операция «Барбаросса»). 18 декабря 1940 г. // 1941 год: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 453).

советские города и войска, но и выступления немецких и румынских войск, действующих совместно против советских войск»⁷⁹.

Гитлер обещал щедро вознаградить своих союзников за содействие в разгроме СССР посредством передачи им некоторых советских территорий. После начала войны с Советским Союзом в румынских войсках⁸⁰ был распространен циркуляр № 1500/А, в котором говорилось: «Воинские части должны составить именные списки отличившихся офицеров, унтер-офицеров и солдат, заслуживающих быть наделенными землей. Списки должны составляться воинскими частями через каждые 15 дней»⁸¹.

Финский генерал Пааво Талвела писал в декабре 1940 года в своем дневнике: «Надеюсь, что в наступающем году мы вместе с Германией разобьем русска,⁸² и тогда осуществится моя давняя мечта о Карелии»⁸³. В сентябре 1940 г. он как представитель верховного главнокомандующего армией Финляндии маршала К.Г. Маннергейма вел в Берлине переговоры об условиях участия финских войск в войне против СССР и знал, что Финляндии была за это обещана Карелия.

23 июня 1941 года В.М. Молотов встретился с посланником Венгрии в СССР Ж. Криштоффи, чтобы спросить, какова позиция Венгрии по отношению к развязанной Германией войне с Советским Союзом. «Примыкает ли Венгрия к той или другой воюющей стороне или стоит на позиции нейтралитета?»⁸⁴. При этом нарком иностранных дел заметил, что «Советский Союз не имеет никаких спорных вопросов в своих отношениях с Венгрией и не имеет к Венгрии никаких претензий»⁸⁵. Ж. Криштоффи выразил благодарность Молотову за признание им отсутствия у СССР каких-либо претензий к Венгрии и добавил, что эти слова вполне соответствуют «хорошим отношениям, существовавшим

⁷⁹ От советского информбюро за 24 июня 1941 г. // Сообщения советского информбюро. Том 1. Июнь–декабрь 1941 года. М., 1944. С. 4.

⁸⁰ К июлю 1942 г. численность румынских войск, участвовавших в войне против СССР, достигла более 300 000 чел.

⁸¹ Цит. по: *Левит И. Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 196.

⁸² Этим словом финляндские нацисты до сих пор презрительно зовут русских.

⁸³ Цит. по: *Барышников В. Н., Саломаа Э.* Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну // Крестовый поход на Россию. С. 138.

⁸⁴ Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Венгрии в СССР Ж. Криштоффи. 23 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Том 24. М., 2000. С. 21.

⁸⁵ Там же.

между Венгрией и СССР до сего времени»⁸⁶. О позиции, занятой Венгрией в связи с вооруженным конфликтом между Германией и СССР, Криштоффи ничего конкретного не сказал, сославшись на отсутствие у него инструкций по этому вопросу от своего правительства, которые, по его мнению, не поступили, скорей всего, из-за отсутствия телеграфной связи между Москвой и Будапештом. Молотов сообщил, что даст указания об облегчении посланнику связи с Будапештом⁸⁷, однако правительство СССР тоже не имеет никакой связи со своим посланником в Венгрии, и связь прервана не вине советской стороны. В конце разговора Молотов попросил Криштоффи выяснить позицию Венгрии по отношению к возникшей войне и по получении ответа немедленно его об этом известить.

25 июня в 17 часов на прием к первому заместителю наркома иностранных дел СССР прибыл посол Италии в СССР А. Россо. Он заявил, что 22 июня слышал по радио, что будто бы «итальянское правительство сделало послу СССР в Риме сообщение об объявлении войны Советскому Союзу. Однако итальянское посольство в Москве до сего времени не имеет от своего правительства сообщения об его отношениях с СССР»⁸⁸. Россо поинтересовался у Вышинского, не было ли сообщения от посла СССР в Риме Горелкина об официальном заявлении итальянского правительства, и упомянул об отсутствии телеграфной связи между Римом и Москвой. Вышинский ответил, что в Москве не получали такого сообщения от посла Горелкина.

Италия действительно объявила войну Советскому Союзу, но в Наркомате иностранных дел СССР это сообщение было получено лишь ночью с 29 на 30 июня 1941 года, причем от советского посла в Швеции А.М. Коллонтай. Александра Михайловна телеграфировала Молотову: «Министерство иностранных дел срочно просит Вам передать полученное телеграфное сообщение из Рима от посла Горелкина: “22 июня в 12 часов 30 минут министр

⁸⁶ Там же. С. 22.

⁸⁷ Венгерскому посланнику была предоставлена линия связи Москва–Анкара, чтобы он смог выяснить позицию своего правительства.

⁸⁸ Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Италии в СССР А. Россо. 25 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Том 24. С. 35.

иностранных дел Италии заявил, что полностью солидаризуясь с Германией Италия с 5 часов 30 минут 22 июня считает себя в войне с СССР”»⁸⁹.

Вечером 25 июня А.Я. Вышинский вновь беседовал с венгерским посланником Ж. Криштоффи. К этому времени уже стало известно, что два дня назад правительство Венгрии решило разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом, о чем в тот же день было сообщено советскому посланнику в Будапеште⁹⁰. Криштоффи сказал, что в связи с таким решением его миссия в Москве считается оконченной, и выразил надежду, что советское правительство даст возможность сотрудникам венгерского посольства покинуть территорию Советского Союза.

После обсуждения проблем, связанных с их отъездом из Москвы, заместитель наркома иностранных дел СССР поинтересовался у Криштоффи, почему венгерское правительство разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом, но не объявило ему войну. Что это значит? Криштоффи ответил, что «не имеет на этот счет никаких инструкций от своего правительства», хотя и запросил их после беседы с Молотовым, но «лично он полагает, что Венгрия не будет принимать участия в войне»⁹¹.

Венгерский посланник явно лукавил: он не мог не знать о том, что генералитет и правительство его страны были прогермански настроены, безоговорочно верили в могущество Германии и были готовы участвовать в любых военных авантюрах Гитлера.

Заместителю наркома иностранных дел СССР это было также известно. Поэтому ему показалось странным, что венгерское правительство воздержалось от объявления войны Советскому Союзу, ограничившись лишь разрывом дипломатических отношений. Пытаясь найти объяснение такой странности,

⁸⁹ Шифртелеграмма посланника СССР в Швеции А. М. Коллонтай наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову. 29 июня 1941 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АПВ РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 357. Д. 2441. Л. 194.

⁹⁰ В данном сообщении говорилось: «Министерство иностранных дел имеет честь сообщить уважаемой миссии Союза Советских Социалистических Республик, что венгерское правительство в виду того, что с 22 сего месяца состояние войны существует между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик, решило разорвать дипломатические отношения с правительством Союза Советских Социалистических Республик» (Нота МИД Венгрии в миссию СССР в Венгрии о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом. 23 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 077. Оп. 21. П. 111. Д. 5. Л. 62).

⁹¹ Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с посланником Венгрии в СССР Ж. Криштоффи. 25 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Том 24. С. 37.

Вышинский, сам того не подозревая, затронул то, что составляло тогда одну из важнейших тайн военного похода европейских государств против нашей страны.

На заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге 11 февраля 1946 года главный обвинитель от Советского Союза Р.А. Руденко дважды спрашивал фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха Паулюса: *«Каким образом и при каких обстоятельствах было обеспечено участие сателлитов в нападении на СССР?»*⁹². Отвечая на этот вопрос, Паулюс сообщил: *«Мне было известно мнение Гитлера, что Венгрия стремится с помощью Германии вернуть и расширить территории, которые были утрачены Венгрией в 1918 году»*⁹³.

Документы о Второй мировой войне свидетельствуют, что **все европейские государства, участвовавшие вместе с фашистской Германией в военном походе на СССР, рассматривали территорию, население и ресурсы нашей страны как добычу и рассчитывали в результате победы получить свою долю.** Именно этот примитивный материальный интерес — стремление обогатиться посредством ограбления и убийства нашего народа — повел «цивилизованную» Европу в 1941 году на восток, в пределы нашей страны.

Венгерское руководство знало о подготовке Германией военного похода на восток еще в апреле 1941 года, но вплоть до 22 июня не давало твердого обещания присоединиться к нему, ожидая предложения от Гитлера об участии Венгрии в войне Германии с Советским Союзом. Но Гитлер такого предложения не сделал. Как оказалось позже, он опасался, что в ответ на его требование присоединиться к военному походу против СССР правительство Венгрии запросит слишком много.

Немецкий генерал-майор Курт Гимер, находившийся весной и летом как представитель германского вермахта при верховном командовании венгерской армии, 22 июня 1941 года в своем военном дневнике отразил интересный факт: он передал из Будапешта в Берлин сообщение о том, что венгерское руководство ждет указаний, что делать, но из Берлина в 18 часов 21 минуту пришел уклончивый ответ: *«Любая венгерская помощь будет принята в любое время. Мы не хотим ничего требовать; но все, что предлагается добровольно, принимается с благодарностью. Нет и речи о том, что мы, например, не хотели*

⁹² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Том 3. М., 1989. С. 466.

⁹³ Там же. С. 467–468.

участия Венгрии»⁹⁴. Смысл данного ответа был разъяснен на следующий день начальником Генерального штаба сухопутных войск Францем Гальдером. Он сообщил в 11 часов 50 минут в Будапешт: «Венгерским военным инстанциям надо привести в движение политических, чтобы те сами предложили себя... Никто не предъявляет требований, потому что за них **приходится платить**. Но мы будем благодарны за любую поддержку, особенно подвижными войсками. Однако немецким железнодорожным перевозкам нельзя ни в коем случае препятствовать»⁹⁵ (выделено мной. — В.Т.).

Не дождавшись приглашения Гитлера принять участие в военном походе против СССР и в последующем разделе захваченной добычи, правительство Венгрии уже на второй день после вторжения германских войск на советскую территорию начало обсуждать вопрос добровольного вступления Венгрии в войну. Военный министр Карой Барта призвал не затягивать решение этого вопроса, полагая, что иначе можно опоздать к дележу и остаться ни с чем. «Поскольку немцы одержали победу над поляками за 3 недели и примерно за тот же срок покончили с французами, разбили югославскую армию за 12 дней и 3 недели заняли все Балканы, я считаю, — сказал он, — что в течение 6 недель немцы окажутся в Москве и полностью разгромят Россию»⁹⁶.

Позицию сторонников объявления войны Советскому Союзу в правительстве Венгрии усилило донесение венгерского посла в США. «Американское правительство поймет участие Венгрии в русской войне и оценит ее действия, так же как и Финляндии»⁹⁷, — сообщал он в эти дни из

⁹⁴ Kriegstagebuch der Dienststelle des deutschen Generals beim Oberkommando der Königlich Ungarischen Wehrmacht // Militärgeschichtliche Zeitschrift. Published by Oldenbourg Wissenschaftsverlag. 1994. Vol. 53. Issue 1. S. 117.

⁹⁵ «Der Generaloberst erklärt, jetzt komme es darauf an, daß die ungarischen militärischen Stellen die politischen in Bewegung setzten, damit diese sich von allein anböten... Man stelle keine Forderungen, weil man solche bezahlen müsse; aber man sei für jede Unterstützung, besonders durch schnelle Truppen, dankbar; aber man sei für jede Unterstützung, besonders durch schnelle Truppen, dankbar. Jedoch dürften die deutschen Bahntransporte auf keinen Fall gestört werden» (Ibidem). Франц Гальдер оставил в своем дневнике об этом разговоре лишь короткую заметку: «12.00 — *Разговор [по телефону] с Химером: Мы с благодарностью примем любое содействие со стороны Венгрии, если это не мешает переброскам по нашим коммуникациям через Румынию» (Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград. Кн. 1 (22. 6 1941 — 30. 9 1941). М., 1969. С. 33–34).*

⁹⁶ Цит. по: *Пушкаш А. И. Соучастие Венгрии в нападении на СССР // Крестовый поход на Россию. С. 282.*

⁹⁷ Цит. по: Там же.

Вашингтона в Будапешт. Но противников участия Венгрии в войне с Советским Союзом было довольно много в венгерском парламенте, имелись они и в правительстве. Поэтому была осуществлена примитивная провокация. Утром 26 июня немецкие самолеты с нанесенными на них красными звездами подвергли бомбардировке принадлежавший Венгрии с 1938 г. словацкий город Кошице. Сразу же после этого военный министр и глава Генерального штаба Венгрии направились к регенту Миклошу Хорти и получили от него решение объявить войну СССР. Премьер-министр Венгрии Бардоши немедленно созвал чрезвычайное заседание правительства и легко добился от него одобрения этого весьма спорного решения главы государства. На следующий день Бардоши ознакомил с этим решением парламент еще до того, как была оглашена повестка дня. Это позволило премьер-министру избежать обсуждения, которое явно было бы очень жарким.

Так по воле всего нескольких высоких должностных лиц Венгрии данная страна пошла на войну с СССР, на которую ее никто не звал.

Генерал-майор венгерских вооруженных сил Штефан Уйсаси заявил во время допроса на Нюрнбергском процессе при выяснении вопроса о вступлении Венгрии в войну с Советским Союзом: «Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками»⁹⁸.

28 июня 1941 года Совинформбюро сообщило: «В Будапеште объявлено, что Венгрия считает себя в состоянии войны с Советским Союзом. Это решение вызвано тем, что советская авиация якобы совершала налеты на города Венгрии. Это утверждение является ложным: советская авиация никаких налетов на города Венгрии не производила. Правительство Венгрии боится сказать честно и открыто, что оно объявило состояние войны по приказанию Гитлера и еще потому, что венгерские правители не прочь при случае пограбить чужое добро»⁹⁹.

Но это стремление венгерского правящего слоя использовать войну против СССР для своего обогащения обернулось настоящей трагедией для Венгрии: данная страна сама превратилась в объект грабежа, причем со стороны своего союзника, которому решила служить — фашистской Германии. Современный российский историк А.И. Пушкаш, специально изучающий тему участия

⁹⁸ Заявление Уйсаси о подготовке совместной германо-венгерской войны против СССР // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Том 3. С. 507.

⁹⁹ От советского информбюро за 27 июня 1941 г. // Сообщения советского информбюро. Том 1. Июнь-декабрь 1941 года. С. 8.

Венгрии в войне против СССР, отмечает, что «венгерское правительство бросило в огонь войны все ресурсы страны, отдав их в распоряжение Германии. Венгрия поставляла ей важное стратегическое сырье, продовольствие, промышленную продукцию»¹⁰⁰.

Помимо румынских, финских, итальянских и венгерских воинских частей в военном походе против Советского Союза участвовали испанские, хорватские, словацкие, французские военные подразделения.¹⁰¹ В дивизиях СС «Викинг» и «Норланд» воевало против Красной Армии 500 шведских добровольцев

Огромную роль в повышении боеспособности гитлеровской армии сыграла Чехия. Осенью 1938 года чехословацкое правительство отказалось защищать свою страну от германской агрессии и под давлением руководителей Франции и Великобритании отдало ее вместе с передовой для того времени военной промышленностью в распоряжение Гитлера¹⁰². Крупнейшие чешские заводы «Шкода» и «ЧКД» в течение всей войны Германии с Советским Союзом работали на полную силу, без единой забастовки и снабжали германскую армию высококачественным вооружением. Танки и самоходные орудия, произведенные в Чехии, считались в конце 30-х годов лучшими в мире, они составляли основу боевой мощи Германии в первый год войны с СССР.

На германскую армию работала промышленность целого ряда европейских стран: Франции, Дании, Нидерландов и др. Швеция поставляла Германии руды. При этом советская авиация не могла подвергнуть бомбардировке работавшие на фашистских агрессоров шведские предприятия, поскольку эта страна имела статус нейтрального государства.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз было поддержано почти всей Европой. Германский нацистский рейх являлся ядром самого мощного военного, экономического и политического объединения европейских государств, которое когда-либо создавалось. Это объединение было достаточно

¹⁰⁰ Пушкаш А. И. Соучастие Венгрии в нападении на СССР. С. 292.

¹⁰¹ См. об этом: Пожарская С. П. Испанская «Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941–1943 гг.) // Крестовый поход на Россию. С. 328–374; Милич А. Хорватские добровольцы в германском вермахте во Второй мировой войне // Там же. С. 375–402; Пайнс Дж. Словацкие вооруженные силы против Красной Армии // Там же. С. 403–418.

¹⁰² Между тем Чехословакия имела армию сравнимую по мощи с немецкой и вполне могла, если не победить, то оказать достойное сопротивление агрессору. Германия имела в 1938 г. армию численностью 2, 2 млн. чел., на вооружении которой стояло 2 500 самолетов и 720 танков, тогда как чехословацкая армия насчитывала 2 млн. служащих, на ее вооружении было 1 582 самолета и 469 танков.

прочным, чтобы действовать целенаправленно и последовательно. И главной его целью был разгром Советского государства, уничтожение Русской цивилизации, истребление русского народа как общности, покорение всех народов СССР, присвоение созданного ими материального богатства и принадлежащих им природных ресурсов.

Никогда в истории человечества не предпринимались попытки осуществить такие масштабные и жестокие преступные проекты.

Как показал ход войны, Советское государство вполне могло противостоять этому европейскому фашистскому интернационалу в одиночку, но в таком случае нашему народу пришлось бы перенести значительно более тяжкие испытания, и продолжались бы они дольше. Избежать затягивания войны и всех рисков, которые она несла, и прежде всего риска гибели страны можно было, лишь создав равнозначный по военному и экономическому могуществу антифашистский, антинацистский союз государств. Очевидно, что в условиях 1941 года помимо Советского государства в него могли войти Великобритания и США.

О таком объединении ранее можно было только мечтать, но до 22 июня 1941 года его нельзя было создать — слишком разными странами были СССР, Великобритания и США. Нападение фашистской Германии на СССР, поддержанное целым рядом других европейских государств кардинально изменило ситуацию.

Эта перемена особенно отчетливо проявилась в речи Уинстона Черчилля, произнесенной вечером 22 июня 1941 года Премьер-министр Великобритании готовил ее весь день и завершил написание всего ее текста только в 20 часов 40 минут. Ровно в 21 час он начал свое историческое выступление. Ее содержание было необычным. Черчилль говорил так, как не должен был говорить человек с предельно рациональным, циничным без меры мышлением, а главное — так не должен был говорить тот, кто ненавидел Россию всем своим существом и не скрывал этого.

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма, — заявил он. — У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями,

безумствами и трагедиями исчезает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десятков стран»¹⁰³.

В газете «Правда» речь премьер-министра Великобритании была опубликована в сокращенном изложении 23 июня, но в этот текст не попали его проникнутые симпатией и сочувственным отношением слова о русских людях. Но зато полностью был приведен фрагмент речи, в котором говорилось о грубейшем нарушении Германией норм международного права и фактически воспроизводилось то, что сказал девятью часами ранее В.М. Молотов: «В 4 часа утра Гитлер напал и вторгся в Россию. Германия не заявила ни одной жалобы по поводу того, что договор о ненападении между Германией и СССР не выполняется. Прикрываясь договором, Германия концентрацию огромных армий на линии, простирающейся от Белого до Черного моря. Германские военно-воздушные силы и бронетанковые дивизии постепенно и методически занимали свои позиции. Внезапно, без объявления войны, даже без ультиматума, на русские города посыпались германские бомбы. Таким образом, было повторено в значительно большем размере нарушение всякой формы подписанного договора и международной веры, свидетелями чего мы были в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, и которое Гитлер при соучастии шакала Муссолини нарушил по отношению к Греции»¹⁰⁴.

В пересказе, а не в переводе были приведены следующие весьма важные для формирования принципов великого альянса СССР, Великобритании и США высказывания Черчилля: «Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы

¹⁰³ Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Том 3. Великий союз. М., 1998. С. 191.

¹⁰⁴ Правда. 1941. № 172 (8580). С. 5.

нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с божьей помощью, не избавим землю.

Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги...

Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы»¹⁰⁵.

Данная речь британского премьер-министра стала первым решительным шагом на пути формирования альянса трех великих держав. Важность этого объединения — одного из самых великих и загадочных явлений мировой политики XX столетия — Черчилль подчеркнул в конце своего выступления. «Опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни»¹⁰⁶.

Президент США уже 24 июня, через день после нападения Германии на СССР, объявил на своей пресс-конференции, что «Соединенные Штаты предоставят всю возможную помощь Советской России»¹⁰⁷. Однако эта позиция не имела большой поддержки в американских правящих кругах. Государственный департамент, не возражал против нее открыто, но призывал не спешить с расходованием средств на помощь коммунистическому государству. По мнению руководства внешнеполитического ведомства США существовала огромная вероятность того, что эти траты могут оказаться напрасными, поскольку Советский Союз может не выдержать удара нацистской

¹⁰⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 192.

¹⁰⁶ Там же. С. 193.

¹⁰⁷ The New York Times. 1941. June 25.

военной машины и быстро развалиться¹⁰⁸. Заместитель государственного секретаря Самнер Уэллс на пресс-конференции 23 июня 1941 г. говорил, что «сдержанность государственного департамента при обсуждении русско-германской ситуации вызвана в значительной мере фрагментарным характером сообщений со сцены военных действий. Департамент ожидает более определенной информации, прежде чем советовать президенту относительно применения положений закона о нейтралитете против России»¹⁰⁹.

Это мнение руководства государственного департамента разделял и военный министр США Генри Стимсон. В письме к президенту Рузвельту, отправленном 24 июня 1941 года, он писал: «За последние тридцать часов я почти все время размышлял о германо-русской войне и о ее влиянии на нашу политику в ближайшее время. Чтобы прояснить свои собственные взгляды, я провел сегодняшней день в совещании с начальником штаба и с сотрудниками отдела военного планирования генерального штаба. Я рад сообщить, что нашел значительное единодушие относительно основ политики, которую, по их мнению, нам следует проводить. Я испытал еще большее облегчение, увидев, что их взгляды столь полно совпадают с моими». Сообщая далее главе государства оценку военными руководителями ситуации, возникшей в связи с нападением Германии на СССР, Генри Стимсон отмечал: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России... Они единодушно придерживаются мнения, что эту непредвиденную и драгоценную передышку следует использовать для самых энергичных мер на атлантическом театре военных действий... В результате того, что Германия втянулась в эту войну с Россией, наше беспокойство значительно ослабло, но мы должны действовать быстро и преодолеть опасность, сопряженную с первыми шагами, прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины...»¹¹⁰.

В целом первоначальная реакция американских политиков на агрессию Германии против СССР была противоречивой. Одни, считая немецкие армии самой большой опасностью для США, призывали оказывать помощь любым

¹⁰⁸ См. об этом: *Perlmutter A. FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943-1945. Missouri, 1993. P. 72-76.*

¹⁰⁹ *The New York Times. 1941. June 24.*

¹¹⁰ *Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Перевод с английского. Том 1. М., 1958. С. 495-496.*

силам, противостоявшим фашистской Германии. Другие полагали благом для США не вмешиваться в войну на европейском континенте. Так, сенатор от штата Миссури Беннетт Кларк заявлял: «У Сталина руки в крови так же, как у Гитлера. Я думаю, нам не следует помогать кому-либо из них. Мы должны заботиться о наших собственных делах, если нам надо делать все совместно. Все происходящее показывает абсолютную неустойчивость европейских союзов и указывает нам на необходимость оставаться в стороне от всех них»¹¹¹.

Имелись в США и такие государственные деятели, которые считали самым выгодным для Соединенных Штатов, чтобы война между СССР и Германией длилась насколько возможно дольше. К ним принадлежал, например, сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн¹¹². Нападение Германии на Советский Союз он прокомментировал 23 июня 1941 года в разговоре с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» довольно цинично, сказав: «Если мы увидим, что Германия побеждает, то нам следует помогать России, а если побеждать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше, хотя я не хотел бы ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера победителем. Никто из них не думает сдержать свое слово»¹¹³.

Великий альянс трех держав формировался с большим трудом, преодолевая множество препятствий. Но этот процесс был неостановим, поскольку от его успеха зависела судьба не только СССР, Великобритании и США, но и всего мира.

¹¹¹ «Stalin is as bloody-handed as Hitler. I don't think we should help either one. We should tend to our own business, as we should have been doing all along. The whole business shows absolute instability of European alliances and points to the necessity of our staying out of all of them» (Cattledge T. Our Policy Stated // The New York Times. 1941. June 24).

¹¹² 7 ноября 1944 г. Трумэн был избран вице-президентом при президенте Франклин Рузвельте, а после смерти последнего 12 апреля того же года стал новым президентом США.

¹¹³ «If we see that Germany is winning we ought to help Russia, and if Russia is winning we ought to help Germany, and that way let them kill as many as possible, although I don't want to see Hitler victorious under any circumstances. Neither of them think of anything of their pledged word» (New York Times. 1941. June 24. P. 7).